

Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Астафьева Александра Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом "д" части первой статьи 115, статьями 117 и 119 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации

Определение · № 948-О-О · от 01.11.2007 · Конституционный Суд Российской Федерации · Действует без изменений

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Астафьева Александра Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом "д" части первой статьи 115, статьями 117 и 119 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации

город Москва 1 ноября 2007 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, А.Л.Кононова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, А.Я.Сливы, В.Г.Стрекозова, О.С.Хохряковой, Б.С.Эбзеева, В.Г.Ярославцева, заслушав в пленарном заседании заключение судьи Л.М.Жарковой, проводившей на основании статьи 41 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" предварительное изучение жалобы гражданина А.А.Астафьева,

у с т а н о в и л:

1. Гражданин А.А.Астафьев, осужденный по приговору Орджоникидзевского районного суда города Магнитогорска Челябинской области от 3 сентября 2003 года к семи годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима, оспаривает конституционность пункта "д" части первой статьи 115 УИК Российской Федерации, предусматривающего в качестве одной из мер взыскания, которые могут применяться к осужденным к лишению свободы, перевод осужденных мужчин, являющихся злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, в единые помещения камерного типа на срок до одного года, во взаимосвязи с положениями статьи 117 данного Кодекса, регламентирующей порядок применения мер взыскания к осужденным к лишению свободы, и статьи 119, содержащей перечень должностных лиц исправительных учреждений, применяющих меры поощрения и взыскания к осужденным к лишению свободы.

Как следует из представленных материалов, по постановлению начальника исправительного учреждения от 14 января 2007 года, принятому на основании пункта "д" части первой статьи 115 УИК Российской Федерации, А.А.Астафьев как злостный нарушитель установленного порядка отбывания наказания был переведен из исправительной колонии в городе Оренбурге в единое помещение камерного типа, находящееся в исправительной колонии в городе Новотроицке, сроком на 12 месяцев.

По мнению заявителя, оспариваемые нормы противоречат Конституции Российской Федерации, ее статьям 10, 15, 19, 21, 22, 23, 25, 46, 47, 50 (часть 1), 55 (часть 3), а также статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, поскольку позволяют применять к осужденным данную меру взыскания, выражающуюся в изменении в худшую сторону режима и условий отбывания наказания, установленного приговором, без судебного решения.

2. Конституция Российской Федерации, закрепляя, что в Российской Федерации права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации, в то же время устанавливает, что осуществление этих прав и свобод не должно нарушать права и свободы других лиц (статья 17, части 1 и 3) и что они могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55, часть 3). Такие ограничения могут быть связаны, в частности, с применением в качестве меры государственного принуждения к лицам, совершившим преступления и осужденным за это по приговору суда, уголовного наказания в виде лишения свободы, особенность которого состоит в том, что при его исполнении на осужденного осуществляется специфическое воздействие, выражающееся в лишении или ограничении его прав и свобод и возложении на него определенных обязанностей.

Осуществляя соответствующее регулирование, федеральный законодатель, исходя из статьи 71 (пункты "в" и "о") Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 22, 49 (часть 1) и 50 (часть 3), вправе предусмотреть лишение свободы как меру наказания, назначаемую осужденному за преступление по приговору суда, а также установить как порядок и условия ее отбывания в соответствии с вытекающими из Конституции Российской Федерации принципами справедливости, гуманизма, законности и охраны государством достоинства личности, так и механизмы защиты прав осужденных от необоснованных и несоразмерных ограничений, в том числе права на доступ к суду.

3. Согласно Уголовному кодексу Российской Федерации преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только данным Кодексом (часть первая статьи 3), в нем же перечисляются виды исправительных учреждений, назначаемых осужденным к лишению свободы (статья 58), а именно колонии-поселения, исправительные колонии общего, строгого и особого режимов, воспитательные колонии, тюрьмы. Права и обязанности осужденных к лишению свободы определяются Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации исходя из порядка и условий отбывания этого вида наказания в соответствующем исправительном учреждении (статья 10), конкретный вид которого наряду со сроком наказания устанавливается, как следует из части первой статьи 308 УПК Российской Федерации, судом в постановляемом им приговоре.

Регламентируя на основе Уголовного кодекса Российской Федерации порядок отбывания наказания в исправительных учреждениях, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации предусматривает, в частности, что осужденные к лишению свободы должны отбывать весь срок наказания, как правило, в одной исправительной колонии, тюрьме или воспитательной колонии; перевод осужденного для дальнейшего отбывания наказания из одной колонии в другую того же вида или из одной тюрьмы в другую допускается в случае болезни осужденного либо для обеспечения его личной безопасности, при реорганизации или ликвидации исправительного учреждения, а также при иных исключительных обстоятельствах, препятствующих дальнейшему нахождению осужденного в данном исправительном учреждении (статья 81).

Вместе с тем Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации позволяет - в зависимости от поведения осужденного и его отношения к труду во время пребывания в исправительном учреждении - по решению суда, принятому в порядке главы 47 УПК Российской Федерации, изменить назначенный приговором вид исправительного учреждения (статья 78), а по решению комиссии исправительного учреждения - изменить условия отбывания наказания, как правило, в пределах одного исправительного учреждения (статья 87). При этом не исключается, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, право самого осужденного ходатайствовать перед судом о рассмотрении вопросов, связанных с изменением условий отбывания наказания, и

обязанность суда рассмотреть данное ходатайство по существу (Постановление от 26 ноября 2002 года N 16-П, Определение от 20 октября 2005 года N 388-О).

По смыслу приведенной правовой позиции, осужденный не может быть лишен возможности обращаться к суду за защитой своих прав и в случае изменения условий отбывания наказания в связи с применением к нему по постановлению начальника исправительного учреждения (часть первая статьи 119 УИК Российской Федерации) мер взыскания за нарушение установленного порядка отбывания наказания, включая такую, как перевод осужденных к лишению свободы мужчин, являющихся злостными нарушителями порядка отбывания наказания, в единые помещения камерного типа на срок до одного года (пункт "д" части первой статьи 115 УИК Российской Федерации). При этом злостный характер противоправного поведения определяется в соответствии со статьей 116 УИК Российской Федерации, а налагаемое взыскание, как указано в части первой его статьи 117, должно соответствовать тяжести и характеру нарушения, применяться с учетом обстоятельств совершения нарушения, личности осужденного и его предыдущего поведения, т. е. в соответствии с такими же критериями, которыми руководствуется при выборе и назначении меры, вида и режима отбывания наказания суд.

Регламентирующие перевод в единое помещение камерного типа законоположения в их взаимосвязи не могут предполагать принятие администрацией исправительной колонии произвольного решения - без указания на предусмотренные законом основания, подтвержденные соответствующими фактическими обстоятельствами, и тем более изменения по решению начальника исправительной колонии вида исправительного учреждения, назначенного по приговору суда для отбывания наказания, и, следовательно, не могут исключать судебную проверку обоснованности налагаемого взыскания. В системе действующих правовых норм - исходя в том числе из регламентации изменений в порядке отбывания и режиме наказания в стадии его исполнения в соответствии с предписаниями как статьи 46 Конституции Российской Федерации, так и согласно нормам Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (статьи 125 и 126, глава 47) - такая судебная проверка во всяком случае выступает и в качестве необходимой гарантии прав и законных интересов осужденных. Иное означало бы неправомерное ущемление этих прав, умаляло бы достоинство личности, признаваемое основой уважения и защиты ее прав и свобод государством (статья 21 Конституции Российской Федерации), и противоречило бы общепризнанным международно-правовым принципам справедливого правосудия.

Таким образом, предоставленное осужденным уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным законодательством право обращаться с жалобами по вопросам, касающимся их прав и законных интересов, не только в вышестоящие органы управления учреждениями и органами, исполняющими наказания, органы прокуратуры, но и непосредственно в суд служит гарантией защиты их нарушенных прав (часть четвертая статьи 12, части первая и шестая статьи 15 УИК Российской Федерации) и не предполагает каких-либо изъятий и ограничений для осужденных, подвергнутых дисциплинарным взысканиям, в том числе осужденных, к которым на основании пункта "д" части первой статьи 115 УИК Российской Федерации решением должностных лиц исправительных учреждений применено взыскание в виде перевода в единое помещение камерного типа.

Вместе с тем федеральный законодатель - в целях обеспечения в практике исполнения наказаний наиболее полной реализации конституционного права на доступ к суду - вправе конкретизировать процедуры судебной защиты, осуществляемой как в порядке предварительного, так и в порядке последующего судебного контроля за изменением условий отбывания наказания, назначенного по приговору суда.

4. Согласно статьям 96 и 97 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" гражданин вправе обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой на нарушение конституционных прав и свобод законом и такая жалоба

признается допустимой, если оспариваемым законом, примененным или подлежащим применению в деле заявителя, затрагиваются его конституционные права и свободы.

Поскольку сами по себе положения статей 115, 117 и 119 УИК Российской Федерации в системе действующих правовых норм не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права А.А.Астафьева, его жалоба не может быть принята Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению. Проверка же законности и обоснованности вынесенного на их основании конкретного правоприменительного решения входит в компетенцию судов общей юрисдикции и к полномочиям Конституционного Суда Российской Федерации, как они определены в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", не относится.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 части первой статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л:

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Астафьева Александра Александровича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", в соответствии с которыми жалоба признается допустимой.
2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.
3. Настоящее Определение подлежит опубликованию в "Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации".

Председатель

Конституционного Суда

Российской Федерации В.Д.Зорькин

Судья-секретарь

Конституционного Суда

Российской Федерации Ю.М.Данилов

N 948-О-О

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

судьи Конституционного Суда Российской Федерации

Н.С.БОНДАРЯ

Конституционный Суд Российской Федерации Определением от 1 ноября 2007 года N 948-О-О отказал гражданину А.А.Астафьеву в принятии к рассмотрению его жалобы на нарушение конституционных прав пунктом "д" части первой статьи 115, статьями 117 и 119 УИК Российской Федерации, неконституционность которых заявитель усмотрел в том, что они позволяют во внесудебной процедуре, решением начальника исправительного учреждения, изменять на продолжительный срок - под видом применения мер дисциплинарной ответственности - установленный судебным приговором режим содержания осужденных к лишению свободы. На основе применения именно этих норм Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации заявитель был переведен, как злостный нарушитель установленного порядка отбывания наказания, из исправительной колонии в единое помещение камерного типа (далее - ЕПКТ) сроком на 12 месяцев.

Отказывая в принятии жалобы А.А.Астафьева к рассмотрению, Конституционный Суд Российской Федерации сделал вывод, что оспариваемые положения "в системе действующих правовых норм не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права заявителя" (абзац второй пункта 4 мотивировочной части), коль скоро у каждого осужденного, переведенного из колонии в ЕПКТ,

сохраняется право обжалования административного решения в судах общей юрисдикции, и "такая проверка во всяком случае выступает в качестве необходимой гарантии прав и законных интересов осужденных" (абзац пятый пункта 3 мотивировочной части).

Между тем в условиях, когда современная юридическая практика России и зарубежных стран неуклонно движется по пути передачи мер принуждения, существенно ограничивающих права и свободы граждан, в исключительную компетенцию суда (яркий пример - введение в Российской Федерации исключительно судебного порядка применения мер уголовно-процессуального пресечения), вызывает большие сомнения, когда на усмотрение администрации исправительных колоний отдается решение вопросов, напрямую связанных с установленными судом мерами уголовного наказания, тем более имея в виду, что перевод осужденных из колонии в ЕПКТ по своей карательной силе во многом может быть приравнен к переводу из колонии в тюрьму.

Полагаю, что решение Конституционного Суда Российской Федерации является необоснованным, и считаю необходимым обратить внимание по крайней мере на следующие моменты.

1. Сам по себе вопрос о порядке применения рассматриваемой меры взыскания должен решаться исходя из особенностей юридической природы института перевода в ЕПКТ, включая характер изменений в правовом положении осужденного, к которому применена соответствующая мера взыскания, а также в соответствии с конституционными принципами и международными стандартами применения юридической ответственности в виде ограничения свободы личности.

1.1. Одним из общепризнанных основных прав человека является его право на свободу и личную неприкосновенность. По смыслу Конституции Российской Федерации, ее статей 17 (часть 2), 21 (часть 1) и 22 (часть 1), оно воплощает наиболее значимое социальное благо, которое исходя из признания государством достоинства личности предопределяет недопустимость произвольного вмешательства в сферу ее автономии, создает условия как для всестороннего развития человека, так и для демократического устройства общества. Именно поэтому, предусматривая повышенный уровень гарантий права каждого на свободу и личную неприкосновенность - судебный порядок применения ареста, заключения под стражу и содержания под стражей, Конституция Российской Федерации допускает возможность ограничения данного права лишь в той мере, в какой это необходимо в определенных ею целях, и лишь в установленном законом порядке (статья 55, часть 3) (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2005 года N 4-П).

Ограничение свободы личности возможно, в частности, как воздаяние за совершенное преступление в целях изоляции преступника от общества и устранения таким образом угрозы причинения вреда иным лицам, обществу, государству, а также обеспечения условий для исправления лица, совершившего преступление, его ресоциализации. Оно может производиться лишь на основании закона и с соблюдением требований Конституции Российской Федерации о том, что правосудие по уголовным делам осуществляется только судом и никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда (статьи 46 и 47; статья 49, часть 1; статьи 50, 118 и 126). Применение к лицу, совершившему противоправное деяние, такого наказания, как лишение свободы, рассчитано на изменение привычного уклада его жизни, отношений с окружающими и предполагает определенное морально-психологическое воздействие, чем затрагиваются его права и свободы как гражданина и изменяется режим реализации его прав как личности.

При этом мера ограничения свободы, устанавливаемая пропорционально тяжести совершенного деяния на началах индивидуализации наказания, определяется по приговору суда, в том числе конкретным видом исправительного учреждения и условиями отбывания наказания (статья 56 УК Российской Федерации, пункт 9 части 1 статьи 299 УПК Российской Федерации), изменение которых возможно только в специальной процедуре. Так, изменение вида исправительного учреждения осуществляется судом (часть 5 статьи 78 УИК Российской Федерации); перевод осужденных из одних условий отбывания наказания в другие производится по решению комиссии исправительного

учреждения (часть 3 статьи 87 УИК Российской Федерации).

Таким образом, Конституция Российской Федерации и действующее уголовное законодательство предполагают возможность разных степеней ограничения свободы личности и, соответственно, сохранение разного по объему нормативного содержания права на свободу и личную неприкосновенность, при том что конституционное гарантирование этих прав остается неизменным. Это означает, что переход к каждой новой степени сужения сферы свободы личности, сопоставимый с тем, который имеет место при ограничении ее базового конституционного уровня путем ареста или заключения под стражу, должен производиться с соблюдением общего конституционного порядка ограничения свободы личности, предусмотренного статьей 22 (часть 2) Конституции Российской Федерации, т. е. только по судебному решению.

1.2. Оценка того, является ли то или иное наказание, связанное с ограничением свободы, столь существенным, чтобы его применение подпадало под требование указанной конституционной нормы, должна осуществляться с учетом сущностных характеристик деяния и самой меры ответственности, а также критериев (принципов) разграничения дисциплинарных, административных и уголовных правонарушений и наказаний, выработанных как национальной правовой доктриной, так и юридически значимой для российской правовой системы прецедентной практикой Европейского Суда по правам человека. Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении от 5 февраля 2007 года N 7-П, решения Европейского Суда по правам человека - в той части, в какой ими, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, дается толкование содержания прав и свобод, закрепленных в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, - являются составной частью российской правовой системы, а потому должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права (пункт 2.1 мотивировочной части).

При рассмотрении жалоб на нарушение предусмотренного статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод права каждого на судебное разбирательство спора о его гражданских правах и обязанностях или предъявленного ему уголовного обвинения Европейский Суд по правам человека, сталкиваясь с необходимостью выяснения того, охватывается ли ставшее предпосылкой для конвенционного контроля разбирательство и связанные с ним санкции содержанием понятия "уголовное обвинение" в смысле статьи 6 Конвенции, в ряде своих решений (постановления от 8 июня 1976 года по делу "Энгель и другие против Нидерландов", от 21 февраля 1984 года по делу "Ёзтюрк против Германии", от 25 августа 1987 года по делу "Лутц против Германии", от 27 августа 1991 года по делу "Демиколи против Мальты", от 9 октября 2003 года по делу "Эзе и Коннорс против Соединенного Королевства" и др.) выработал подход для определения характера правонарушений и наказаний, предполагающий: 1) учет квалификации правонарушения в национальном праве (она, во всяком случае, не имеет решающего значения, и Европейский Суд по правам человека оставляет за собой право окончательного решения в отношении характера правонарушения в соответствии с его сущностью); 2) учет тяжести вменяемого правонарушения; 3) учет суровости предполагаемой санкции.

При этом Европейский Суд по правам человека в полной мере распространяет указанный подход на отношения, возникающие при применении ответственности к заключенным. Так, в постановлении от 28 июня 1984 года по делу "Кэмпбелл и Фелл против Соединенного Королевства" указано, что, хотя в реальных условиях тюрьмы существуют соображения как практического, так и политического характера, позволяющие установить особый дисциплинарный режим, тем не менее гарантии справедливого разбирательства составляют один из основополагающих принципов любого демократического общества и, соответственно, правосудие не может заканчиваться за воротами тюрьмы, а принципы разграничения "дисциплинарных" и "уголовных" правонарушений применимы и к пенитенциарным учреждениям. В связи с этим Европейский Суд по правам человека подчеркнул,

что неправомерное поведение заключенных может принимать различные формы. Некоторые проступки заключенных касаются только внутренней дисциплины, в то время как другие нельзя считать таковыми. Во-первых, одни правонарушения могут быть значительно более серьезными, чем другие. Во-вторых, степень тяжести некоторых правонарушений может не зависеть от того обстоятельства, что они совершены в тюрьме. Поведение заключенного, противоречащее тюремным правилам, может оказаться сверх того и уголовным преступлением.

Названные сущностные критерии определения характера противоправного деяния и наказания за него в целях решения вопроса о необходимости использования судебного порядка применения к заключенному меры государственного принуждения не были приняты во внимание Конституционным Судом Российской Федерации при анализе оспариваемых положений Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

1.3. Нельзя не учитывать, что изменения в правовом положении осужденного, переведенного в ЕПКТ (статья 118 УИК Российской Федерации), по своему содержанию таковы, что по ряду показателей они жестче, чем при отбывании наказания в строгих условиях в исправительной колонии строгого режима (статья 123 УИК Российской Федерации) и даже... в тюрьме (статья 131 УИК Российской Федерации).

Сопоставление указанных статей Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации свидетельствует, в частности, о том, что осужденные, находящиеся в ЕПКТ, могут ежемесячно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости средства, имеющиеся на их лицевых счетах, только в размере 50% установленного законом МРОТ, тогда как в тюрьме строгого режима - 60%, а в тюрьме общего режима - 100%; осужденные же, отбывающие лишение свободы в условиях колонии строгого режима, вправе использовать на эти цели не только средства, заработанные за весь период отбывания наказания, без ограничений, но и иные средства, имеющиеся на их лицевых счетах в размере одного МРОТ. Право на свидание при переводе в ЕПКТ оказывается связанным усмотрением администрации, при этом осужденные, содержащиеся в ЕПКТ, полностью лишены права на длительное свидание; отбывающие же наказание в тюрьме общего режима имеют право на два краткосрочных и два длительных свидания в течение года.

Одновременно для лиц, находящихся в ЕПКТ, и лиц, находящихся в строгих условиях, установлен одинаковый режим пользования правом на телефонные разговоры (статья 92 УИК Российской Федерации).

Нельзя не обратить внимание и на то обстоятельство, что ЕПКТ оборудуются на территории не каждой колонии, а лишь в каждом регионе, поэтому перевод осужденного в ЕПКТ предполагает перевод в другое место отбывания наказания (в случае с заявителем - перевод из исправительной колонии в городе Оренбурге в ЕПКТ в городе Новотроицке), который осуществляется по единоличному постановлению начальника исправительного учреждения одновременно с наложением взыскания (часть четвертая статьи 116 УИК Российской Федерации), при том что перевод осужденного из одного условия содержания в другое в рамках колонии производится по решению комиссии исправительного учреждения (часть третья статьи 87 УИК Российской Федерации).

Поэтому применение к осужденному, находящемуся в исправительной колонии общего режима, меры взыскания в виде перевода в ЕПКТ, как это имело место в деле заявителя, ставшем поводом для его обращения в Конституционный Суд Российской Федерации, вполне сопоставимо с изменением вида исправительного учреждения, что может производиться лишь по судебному решению (статья 78 УИК Российской Федерации), поскольку означает изменение режима исполнения уголовного наказания, определенного приговором суда. Соответственно, вряд ли можно согласиться с выводом, что в результате перевода гражданина А.А.Астафьева в ЕПКТ без судебного решения не были нарушены его конституционные права и свободы.

2. Дополнительным основанием для возражений против отказа в принятии жалобы гражданина

А.А.Астафьева к рассмотрению является тот факт, что анализ оспоренных заявителем законоположений во взаимосвязи с иными нормами действующего уголовно-исполнительного законодательства позволяет усомниться в определенности правового регулирования порядка привлечения осужденных к дисциплинарной ответственности, что может породить предпосылки для произвольного правоприменения и, соответственно, нарушения прав и свобод человека и гражданина.

Речь идет о том, в частности, что статья 115 УИК Российской Федерации закрепляет единый перечень мер воздействия на осужденных к лишению свободы при нарушении ими установленного порядка отбывания наказания, который включает в себя как меры наказания, не влекущие изменение условий содержания осужденного (выговор, штраф), так и меры воздействия, изменяющие условия содержания: водворение в штрафной изолятор сроком на 15 суток, перевод осужденных мужчин в помещения камерного типа и одиночные камеры сроком на шесть месяцев, перевод осужденных мужчин в ЕПКТ на срок до одного года. При этом, устанавливая существенно различающиеся по тяжести меры воздействия за нарушение порядка отбывания наказания, УИК Российской Федерации не конкретизирует основания их применения, не определяет содержание "нарушения установленного порядка отбывания наказания" (дисциплинарного проступка). По существу, единственным критерием видовой классификации взысканий в данном случае является совершение осужденным злостного нарушения порядка отбывания наказания. Однако содержательные характеристики злостного характера нарушения законодателем также не раскрыты с достаточной степенью определенности: перечисляя конкретные составы злостных нарушений, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации допускает признание злостными и "обычных" нарушений по основанию их повторного совершения в течение одного года (часть вторая статьи 116).

Таким образом, не закрепляя ясных и четких правил применения мер дисциплинарного воздействия, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации оставляет решение вопроса о помещении осужденного в ЕПКТ на усмотрение начальников исправительных учреждений (или лиц, их замещающих), которые, как это установлено частью 1 его статьи 119, в полном объеме пользуются правом применения мер взыскания.

Между тем Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях неоднократно указывал на необходимость соблюдения законодателем вытекающих из конституционных принципов правового государства, равенства и справедливости требований определенности, ясности и недвусмысленности правовой нормы (постановления от 25 апреля 1995 года N 3-П, от 15 июля 1999 года N 11-П, от 14 июля 2005 года N 9-П и др.). Очевидно, что значение этих императивных конституционных предписаний существенным образом возрастает применительно к сфере правового регулирования юридической ответственности, в том числе дисциплинарной, поскольку последствия неопределенности правовой нормы в данном случае непосредственно связаны с применением в отношении гражданина государственного принуждения и, соответственно, с ограничением его конституционных прав и свобод.

В этой связи Конституционному Суду Российской Федерации надлежало оценить оспариваемые законоположения на предмет их определенности с позиции конституционных принципов равенства и справедливости, установить возможность их однозначного понимания и применения, от чего Конституционный Суд Российской Федерации, к сожалению, уклонился.

3. Отсутствие в действующем уголовно-исполнительном законодательстве четких оснований применения мер дисциплинарного воздействия, включая перевод осужденного в ЕПКТ, ставит под сомнение и возможность осуществления эффективного последующего судебного контроля соответствующих решений руководителей администраций пенитенциарных учреждений, на которую - как на обстоятельство, подтверждающее отсутствие нарушения оспариваемыми законоположениями конституционных прав и свобод граждан, - неоднократно ссылается

Конституционный Суд Российской Федерации (абзацы пятый и шестой пункта 3 мотивировочной части Определения).

Ведь если исходить из того, что решения о переводе осужденных в ЕПКТ должны приниматься начальником исправительной колонии, то законно установленные основания и порядок принятия таких решений выступают одновременно в качестве необходимых критериев судебной проверки их законности. Соответственно, неопределенность, противоречивость правового регулирования в этом случае ведет к тому, что судебный контроль за законностью наложения взыскания может состоять только в проверке соблюдения формальных условий применения конкретной меры принуждения. Однако согласно устоявшейся практике Конституционного Суда Российской Федерации право на судебную защиту оказывается существенно ущемленным, если суды при рассмотрении дела не исследуют его фактические обстоятельства по существу, ограничиваясь установлением формальных условий применения нормы (постановления от 6 июня 1995 года N 7-П, от 13 июня 1996 года N 14-П, от 28 октября 1999 года N 14-П, от 22 ноября 2000 года N 14-П и от 14 июля 2003 года N 12-П, Определение от 5 марта 2004 года N 82-О).

Следовательно, право осужденного оспорить решение начальника исправительной колонии о переводе его в ЕПКТ не является надлежащей юридической гарантией восстановления нарушенных прав лиц, незаконно переведенных в ЕПКТ, и не может рассматриваться как эффективное средство правовой защиты.

4. Представляется, таким образом, что Конституционному Суду Российской Федерации надлежало принять жалобу к рассмотрению и в процессе судебного разбирательства, с учетом обстоятельного анализа позиций сторон и других обстоятельств по делу решить вопрос о конституционности оспариваемых законоположений.

Со своей стороны считаю, что взаимосвязанные нормы пункта "д" части первой статьи 115, статей 117 и 119 УИК Российской Федерации, как предусматривающие в системе действующего уголовно-исполнительного законодательства возможность возложения на осужденного решением начальника исправительного учреждения меры взыскания в виде перевода в ЕПКТ и влекущие на длительный период (до 1 года) сопоставимое с изменением вида исправительного учреждения ухудшение условий отбывания наказания, фактически допускают изменение установленного приговором суда порядка отбывания наказания и, стало быть, противоречат Конституции Российской Федерации, ее статьям 22 (часть 1), 47 (часть 1), 49 (часть 1) и 118 (часть 1).